

ցիւների կյանքի մարտական ուղին, Անդրկովկասի բանվորական շարժման և բոլշևիկյան կազմակերպութիւնների հերոսական պատմութիւնը, սիրով ու հետաքրքրութեամբ կրնոյցանք սովետական ժողովրդի կողմից և, անկասկած, մեծ

օգնութիւն ջույց կտա Կոմունիստական պարտիաի և Սովետական պետութեան պատմութիւնը ուսումնասիրողներին:

Լ. ԿՈՒՐՇՅԱՆԻՅԱՆ

С. Г. АРЕШЯН. *Армянская печать и царская цензура*, АН Армянской ССР, Институт литературы им. М. Абегамяна, Ереван, 1957, 515 стр. (на русском языке)

Книга С. Арешян посвящена истории цензурных преследований армянской печати, политике царской цензуры в отношении армянской дореволюционной литературы.

История армянской печати и царской цензуры рассматривается автором на широком фоне политических, культурных и литературных взаимоотношений русского народа с армянским.

Раскрывая реакционную роль царской цензуры, С. Арешян показывает, что «вне многовековой перспективы дружественных связей русского и армянского народов невозможно правильное понимание вопросов развития армянской печати и той борьбы, которую приходилось выдерживать ее передовым деятелям с царской цензурой»¹.

Рассматривая с марксистских позиций поставленную в книге проблему, С. Арешян на конкретном примере истории армянской печати показывает сущность реакционной политики самодержавия и совместную борьбу передовых деятелей армянской и русской культуры за просвещение народа, против угнетения политического и культурного.

Книга состоит из восьми глав, охватывающих период от возникновения первых армянских колоний в России, книгопечатания и установления цензуры до начала Великой Октябрьской социалистической революции.

В приложении к книге опубликовано около ста текстов архивных документов, касающихся запретов отдельных произведений армянских писателей, статей периодической печати, армянских газет, журналов и т. д.

¹ С. Арешян, *Армянская печать и царская цензура*, стр. 6.

В книге хронологически раскрывается история борьбы за утверждение демократической, а впоследствии и армянской большевистской печати. Одновременно в ней делаются выводы и обобщения, представляющие несомненный интерес.

Читатель найдет в книге С. Арешян много неизвестных ему сведений о различных армянских изданиях, узнает подробную историю запретов многих газет и журналов, изданных книг и рукописей писателей.

Целью настоящей статьи не является подробная характеристика отдельных глав книги с подробным изложением их содержания. Касаясь вопросов, выдвинутых в книге, хотелось по мере возможности лишь в отдельных частностях и деталях дополнить труд С. Арешян новыми архивными документами.

В книге автор справедливо указывает, что изучение такой сложной и большой проблемы, как политика царской цензуры и культура народов, населявших Россию, фактически только начинается. Поэтому введение в научный обиход все новых и новых фактов, многие из которых все еще лежат в нетронутых до сих пор архивных делах, безусловно поможет нашей научной общественности полнее представить картину борьбы передовых сил народа с форпостом реакции в области печатного слова — цензурой.

* * *

Историю возникновения цензуры по армянской печати автор излагает с того времени, когда делались первые попытки оторвать светские армянские издания от преследующего ока Эчмиадзина. С. Арешян совершенно правомерно подробно останавливается на вопросе борьбы католикосата за свои «права» в цензуровании армянских из-

даний. В книге детально и убедительно рассказывается о долгом процессе освобождения светских изданий из-под власти церкви. «Ферула духовной цензуры распространилась на армянскую печать и в 40—50-е годы»¹, — пишет С. Арешян.

Освобождение армянских изданий из-под власти духовных сановников, конечно, явилось актом прогрессивным. Но это была одна сторона медали, именуемой «царская цензура». Не меньший исторический интерес может представить и обратная сторона этой медали: стремление царской цензуры подчинить себе не только светские, но и церковные издания народов, населявших империю. В этом отношении весьма примечательна история подчинения армянской типографии в Эчмиадзине общим правилам цензуры.

Секретным письмом на имя министра внутренних дел от 22 мая 1896 года за № 436 главноначальствующий гражданской частью на Кавказе сообщал, что при Эчмиадзинском армяно-грегорианском монастыре находится типография, основанная в 1771 году по распоряжению католикоса Симеона, и указывал на то, что типография эта обратила на себя внимание в 1868 году, когда напечатала журнал «Арарат» («Արարատ»). В письме выражается желание подчинить Эчмиадзинскую типографию общему надзору цензуры².

Департамент духовных дел иностранных исповеданий своим отношением от 21 июня 1896 года также предлагал подчинить Эчмиадзинскую типографию общим правилам цензуры. Такое же решение было принято Главным управлением по делам печати 1 июля 1896 года.

Таким образом, к началу XX века все армянские издания — светские и духовные — находились в полном подчинении царской цензуры.

* * *

К концу XIX века цензура армянской печати осложнялась тем, что, кроме многочисленных газет и журналов, выходивших в

¹ С. Арешян. Армянская печать и царская цензура, стр. 24

² ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 21, д. 95 «О подчинении Эчмиадзинской типографии действию общих правил о надзоре за типографиями и т. п. заведениями», лл. 1, 3.

пределах империи, стали поступать в Россию армянские газеты из-за рубежа.

Цензор армянских изданий Драгомирский (исполнявший обязанности цензора после отказа Н. Я. Марра от этой должности) в своем рапорте от декабря 1901 г. писал: «Что же касается цензуры иностранной, то здесь в последнее время число армянских заграничных изданий значительно увеличилось (более 1000 экземпляров в текущем году), причем ввиду возникновения за границей целого ряда армянских революционных органов, направленных главным образом к поддержанию смуты в России, издания эти приходится просматривать особенно тщательно. В течение последних лет из центрального Комитета цензуры иностранной не выпущено ни одного экземпляра заграничного революционного издания»¹.

Рядовые цензоры как-то еще мотивировали свои решения о запрете той или иной армянской газеты. А вот начальник Главного управления по делам печати Е. Феоктистов в марте 1896 года на рапорте С.-Петербургского цензурного комитета о запрещении газеты «Нравунк» («Նրաւոյնք») сделал следующую откровенную надпись: «Кажется следовало бы запретить эту иностранную газету; и своих армянских газет достаточно»².

Мотивируя запрет первого номера за 1897 год двухнедельного армянского журнала «Хузак» («Խոսակ»), издававшегося в Варне (Болгария), цензор Григорий Хорасанджианц приводит краткое содержание помещенных в нем статей. Так, в статье «Английские благодетели», пишет цензор, «говорится о том вреде, который приносят англичане, оказывая материальную помощь переселяющимся в Варну армянам. Вред этот, по мнению редакции, заключается в том, что англичане таким способом приучают армян к рабству и лишают их бодрости духа»³.

«Сотоварищество — это высшая степень цивилизации, благодаря чему, при незначительном труде, люди пользуются всеми особенностями жизни» (так в подлиннике — С. Р.), — продолжает свой рассказ цензор о содержании следующей статьи, озаглавленной «Что такое сотоварищество». — Де-

¹ ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 21, д. 43, л. 12.

² Там же, д. 23, ч. 1, л. 47.

³ Там же, д. 31, л. 34.

низ сотоварищества: «Все для одного и один для всех» (так в подлиннике — С. Р.). В настоящее время благополучием пользуются весьма немногие, в то время как все люди имеют одинаковое право на это. Земля должна быть всеобщим достоянием, но сила заменила право и справедливость: сильные захватили в свои руки власть и богатство, а слабые должны трудиться. Законы же оправдывают такой незаконный захват сильных...»¹.

Делая по-своему логический вывод, цензор заключает: «Имея в виду отчасти революционное, отчасти социалистическое направление этого журнала, пропуск к обращению его вообще и публике я считаю невозможным»².

В книге С. Арешян приводится интересный факт отказа Главного управления по делам печати С. С. Гуламиряну в прошении превратить сборник «Аракс» в периодически издаваемый журнал (стр. 236—237). Через семь лет после этого, в 1897 году, один из номеров выпускающегося Гуламиряном сборника «Аракс» был задержан цензурой. Кавказский цензурный комитет сообщал в Петербург: «...исторический рассказ под заглавием «Горпэ из Сасуна» подлежит цензурному запрещению ввиду того, что содержание его касается гонений турецких армян после русско-турецкой войны в 1878 г., причем автор, судя по ходу рассказа, имеет намерение довести свое повествование до последних событий в Сасуне, Муше и Битлисе, печатание которых не допускается Кавказским цензурным комитетом в силу особых распоряжений»³.

Главное управление по делам печати 21 апреля 1897 года запретило издание статьи⁴.

Своеобразна и история запрета сборника «Собрания старых и новых армянских национальных песен», изданного в г. Варне и задержанного Одесским цензурным комитетом в 1897 году. В этом сборнике было опубликовано, между прочим, известное стихотворение Микаела Налбандяна «Свобода». С. Арешян в своей книге отмечает, что сборник был запрещен из-за стихотво-

рений Налбандяна. На самом деле цензурная история сборника несколько иная.

В рапорте цензора Г. Хорасанджянца подробно приводится содержание всех песен и стихотворений, которые он нумеровал по порядку. Под номером 2 шло известное стихотворение Р. Патканяна «Слезы Аракса», а под номером 4 — стихотворение «Вопли наболевшего сердца». На рапорте цензора в Главном управлении по делам печати М. Соловьевым была наложена резолюция: «За исключением №№ 2 и 4, остальные можно дозволить. 10. IV—97. Подпись»¹. На этом основании Главное управление по делам печати направило специальное отношение Одесскому цензурному комитету, в котором прямо указывалось, что сборник может быть дозволен ко ввозу в пределы империи, если из него будут исключены песни «Слезы Аракса» и «Вопли наболевшего сердца»².

Дело в том, что царскую цензуру в конце XIX века особенно волновало общественное движение на Кавказе, обостренное после русско-турецкой войны 1878 года. Архивные материалы красноречиво свидетельствуют об этом.

Отношение царской цензуры к освободительному движению западных армян до сих пор остается не исследованным. Между тем в архивах имеются сотни дел, касающихся запретов зарубежных армянских изданий, которые в той или иной степени касались положения армян в Турции.

В архивных фондах бывших царских министерств и департаментов покоятся сотни и сотни дел, свидетельствующие о молчаливом сговоре международной реакции против освободительного движения народов, в частности армянского народа.

Россия Чернышевского, Добролюбова, Плеханова и Ленина горячо приветствовала борьбу народов против тирании, где бы она ни протекала.

И, несмотря на строгие цензурные запрещения, все-таки в русскую и армянскую печать просачивались статьи о героической и поистине трагической борьбе армян против турецкого деспотизма. Даже в среде царских чиновников находились люди, которые понимали, что армянский народ бо-

¹ ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 21, д. 31, л. 31.

² Там же, д. 43, л. 35.

³ Там же, д. 46, л. 4.

⁴ Там же, л. 15.

¹ ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 21, д. 46, л. 29.

² Там же, л. 32.

рется за правое дело. В этом отношении примечателен следующий факт.

Г. Джаншиевым в 1897 году был издан сборник «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам». Сборник выдержал два издания. В книге С. Арешян приведены рапорты главноначальствующего гражданской частью на Кавказе Григория Сергеевича Голицына, который всячески добивался запрета этого сборника¹.

После смерти Джаншиева канцелярия главноначальствующего вновь обратилась в министерство внутренних дел и в Главное управление по делам печати с ходатайством запретить сборник и не позволять редакции сборника собирать пожертвования в пользу пострадавших от турецких погромов армян. Сборник был рассмотрен уже Советом Главного управления по делам печати и поэтому требование Голицына было оставлено без последствий. В секретном письме, отправленном по этому поводу Голицыну, между прочим говорилось: «Было бы удивительно и даже недостойно великого русского народа, если бы его печать не выразила негодования по поводу действий турецкого правительства, осужденных всем цивилизованным миром»².

«В дружбе и сотрудничестве с русскими революционерами» — так называется следующая глава, в которой автор книги «Армянская печать и царская цензура» на многочисленных архивных материалах убедительно доказывает тесную связь передовых представителей армянского народа с русским революционным движением.

Особый интерес представляют новые сведения об участии армян-учащихся в студенческих волнениях 1850-х годов, охвативших Петербург и Москву.

Революционные традиции учившегося в России армянского студенчества 1860-х годов были подхвачены и углублены учащимися армянами в период первой русской революции 1905—1907 гг. Вместе с передовой русской молодежью учащиеся армяне московских учебных заведений вышли на улицы революционной Москвы и

влились в поток восставшего против самодержавия народа. Особенно активно действовали учащиеся Лазаревского института восточных языков. В архивах сохранились об этом ценные сведения. Потомственный попечитель Лазаревского института восточных языков князь Семен Семенович Лазарев в то время проживал в Петербурге и дирекция института систематически уведомляла князя о делах института. 7 мая 1906 года директор института Миллер с нескрываемой тревогой сообщал Лазареву: «Истекающий учебный год был во всех отношениях неблагоприятным годом в истории института, и под тяжелым впечатлением недавнего прошлого мы (т. е. педагогический, воспитательный и хозяйственный совет) с тревогой ожидаем начала будущего учебного года. Революционный поток, пронесшийся над Россией, захватил и школу, не только высшую, но и среднюю. Гимназисты старших классов наравне со студентами увлеклись с горячностью, свойственной их возрасту, политическим движением...».

«Лазаревский институт не мог избегнуть общей участи. Нервная возбужденностью учеников,— пишет далее Миллер,— при пылкости кавказских натур чувствовалась у них еще сильнее, чем в других московских учебных заведениях. Впрочем, у некоторых из наших воспитанников-армян эта возбужденность имела достаточное основание: некоторые были свидетелями армяно-татарской резни, другие лишились родных и очень многие, опасаясь забастовки железных дорог и почты, боялись быть отрезанными от родных. Много тревог приносили и получаемые с Кавказа письма»¹.

«Во главе всех волнений и столкновений с учителями,— пишет Миллер,— стоят наши пансионеры старших классов, юноши лет 18—20, пылкие, не признающие дисциплины и составляющие, вследствие совместной жизни, крепкое ядро, которое подчиняет себе и приходящих учеников. О воспитательном воздействии на эту буйную молодежь, привозящую с собой, после каникул на Кавказ, распушенность и мятежный дух, не может быть речи»².

В следующем письме Миллер характеризует жизнь института в новом учебном го-

¹ С. Арешян, Армянская печать и царская цензура, стр. 330—331.

² ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 21, д. 72, л. 12.

¹ ЦГИАЛ, фонд Лазаревых — 880, оп. 5, д. 292, лл. 36—37.

² Там же, л. 38.

ду: «После бурного прошлого учебного года, сопровождавшегося сходками, забастовками и временным прекращением учебы в старших классах, текущий учебный год начался сравнительно спокойно. Бывали случаи дерзких выходов отдельных учеников, но в общем ученье шло правильно, хотя мы знаем, что многие ученики вернулись с Кавказа в значительной степени «распропагандированными» в политическом отношении. Такое настроение учеников старших классов прорвалось наружу 19 октября». В этот день ученики «вынесли резолюцию (большинством нескольких голосов) почтить 20 октября «забастовкой» память убитого Баумана и других борцов за свободу». Администрация института предупредила родителей приходящих воспитанников, что их сыновья, уклонившиеся демонстративно от уроков 20 октября, подвергнутся самым суровым взысканиям, до увольнения включительно. Об этом было сообщено и пансионерам. И все же ученики отказались явиться на урок. Демонстративно уклонившихся от уроков педагогический совет постановил временно удалить из института с тем, чтобы они держали экзамен за все полугодие. «Но при этом постановлении,— доносит Лазареву Миллер,— институт столкнулся с нашим большим вопросом — о стипендиях. Все удаленные до января ученики оказались стипендиантами, сыновьями недостаточных родителей, а некоторые даже сиротами»¹.

Тем не менее педагогический совет уволил 19 учеников.

В конце своего письма Миллер сообщает совершенно свежие сведения об участии «лазаревцев» в московском восстании, полученные им, как он пишет, «только что» от пристава. В VIII классе полицией были обнаружены пироксилин, динамитные запалы, гекфордов шнур. «Это обнаружилось,— пишет Миллер,— в ночь на 3 декабря, когда в институт явились агенты охранного отделения и полиции с предписанием сделать обыск в библиотеке. По словам пристава, при обыске, произведенном в тот же день в одной частной квартире, были найдены бомбы и книга со штемпелем нашей библиотеки...»².

¹ ЦГИАЛ, ф. 880, оп. 5, д. 292, лл. 54—55.

² Там же, л. 56.

Миллер с тревогой сообщает, что несколько учащихся Лазаревского института уже арестованы, но кто они, он не может сказать, ибо знает об этом по слухам. Он пишет: «...при массе производящихся в Москве ежедневно обысках и арестах точный список «лазаревцев» еще не составлен в охранном отделении и, по словам градоначальника, будет мне доставлен в скором времени»¹.

Дело исследователя кропотливыми поисками установить список участников революционных событий, их действия и связи с русскими революционными организациями. Будущему исследователю пригодится, возможно, следующая приписка Миллера к своему письму: «Сейчас получил от градоначальника список арестованных учеников: арестованы 4 воспитанника-стипендианта VIII класса. Обысканы 4 и пока оставлены на свободе». Списка арестованных и обысканных учеников Миллер не послал Лазареву; по-видимому, список хранится в архиве Лазаревского института.

* * *

О особой тщательностью цензура просматривала издания, в которых говорилось о спровоцированной царским самодержавием национальной междоусобице в Закавказье.

В 1907 году в Петербурге, в «Пушкинской скорпечатне», была отпечатана брошюра В. Вадиана «Кавказские наброски», в которой описывалась поездка автора в Карабах. Речь идет не о субъективных восприятиях автора, которые подчас оказываются ошибочными. В брошюре внимание цензуры привлекли объективные и справедливые выводы, сделанные автором. Вот что говорится в ней (стр. 11) о положении в Карабахе:

«Дикая, беспричинная, раздутая бессовестными людьми вражда дала роковые результаты для обеих сторон... Нервы жителей расшатаны до последней крайности, благосостояние их подорвано вконец и жизнь идет как на дымящемся вулкане... Всюду разговоры только об оружии, нападениях, войсках и разбоях, все остальные интересы отошли на задний план и цель правительства достигнута вполне: в крае все озабочены главным образом, конечно,

¹ ЦГИАЛ, ф. 880, оп. 5, д. 292, л. 55.

своей злосчастной участью и где уж тут до освободительного движения»¹.

Нельзя и сейчас без волнения читать строки, описывающие трагические события в Карабахе.

«В один прекрасный день всю свою жизнь проживший с Рубеном Керим решил, что надо Рубена убить, а дом его сжечь. Отчего, почему — для него не было ясно...

И вот загорелось яркое зарево, охватило несчастную страну страшным пламенем, обездолило оба народа, унесло много человеческих жизней... Густой дым окутал гордые вершины Карабаха и в его удушливом чаду потонуло безысходное людское горе...

А затем туда, на эти тлеющие пожарища, на протоптанные, залитые братской кровью поля, на еще свежие могилы были брошены карательные отряды из озлобленных против туземцев, в диком произволе воспитанных солдат и казаков. Налетел бешеный шквал, с безумною силой закружился в безграничном царстве насилия, лжи и разврата, хлестнул в глаза горячими слезами несчастных и угнетенных, оглушил свистом насильников и понесся в мерзкой пляске по забитой страдающей Родине, сметая со своего пути все чистое и светлое, заливая ее потоками крови, морем слез и морем грязи. Страшная вакханалия!» (стр. 29—30).

В архивах хранятся многочисленные дела о запрете тех изданий, в которых говорится о провокационных действиях самодержавия. Так, в ноябре 1907 года прокурор Ашхабадского окружного суда сообщил Главному управлению по делам печати: «4 октября сего года в городе Ашхабаде при обыске в квартире священника армяно-грегорианской церкви, произведенном чинами городской полиции в порядке положения о мерах к охранению государственного и общественного спокойствия, были обнаружены издания...»². В числе многочисленных армянских и русских изданий была и вышеназванная брошюра «Кавказские наброски». Прокурор писал: «По ознакомлении с содержанием этих брошюр я усмотрел, что они содержат заведомо ложные сведения о деятельности пра-

вительства, которому в брошюрах приписывается руководящая роль в деле «натравливания» татар против армян с целью подавить освободительное движение армянского народа»¹.

Большевистская печать Закавказья в своих пламенных выступлениях разоблачала антинародную политику царизма, националистические действия дашнаков и мусавистов, провоцировавших столкновения двух братских народов. Особенно активно выступала выходившая на армянском и азербайджанском языках большевистская газета «Коч-Девет», которая и была вскоре закрыта цензурой².

* * *

Естественно, при такой системе надзора за печатью особенно строгой цензуре подвергалась большевистская печать. Об армянской большевистской печати за последние годы издан ряд интересных работ, как, например, работы Х. Барсеяна и Е. Халеяна; о ней приводятся данные и в книге С. Арешян. В Центральном историческом архиве в Ленинграде хранятся рапорты цензоров с характеристикой периодической печати. В одном из таких рапортов за 1915 год цензор следующим образом характеризовал армянскую соц.-демократическую газету: «Пайкар»: «Газета проповедует солидарность всех населяющих Кавказ народностей; ввиду того, что газета ведет пропаганду социал-демократического учения среди армянских рабочих и не чужда интересам, собственных газетам этого направления, цензурой обращается самое строгое внимание на фильтрацию статей газеты, часто выпускаемой с большими пробелами»³.

Характерно, что после подавления первой русской революции царская цензура снова возвращалась к тем изданиям, которые увидели свет в период революции. Так, 30 сентября 1908 года Тифлисский комитет по делам печати сообщил Главному управлению: «В настоящее время комитет занят пересмотром всех брошюр, изданных

¹ ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 21, д. 301, л. 1.

² Ю. П. Рубинштейн, *Российский язык и армянский язык в периодическом издании, 1900—1909, врьань, 1958, № 207—209*.

³ ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 21, д. 123, л. 68.

¹ Подчеркнуто нами — С. Р.

² ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 21, д. 301, л. 1.

на армянском и грузинском языках... начиная с 1906 года и, по окончании этой работы, комитет войдет к заместнику с представлением о признании некоторых брошюр, неправильно пропущенных, подлежащим запрету и изъятию из обращения в продаже...»¹.

Решениями о запрете армянских переводов социал-демократической литературы пестрят цензурные дела 1900—1910-х годов. Запрещались номера газет, отдельные книги и брошюры.

Правда, после подавления первой русской революции усилившейся реакции временно удавалось сдерживать проявление бурных настроений. Так, в августе 1908 года Тифлисский комитет по делам печати рапортовал Главному управлению: «Что касается общего характера периодической печати в Тифлисе за 1907 год, то он является не столь революционным, как в 1906 году; открытые призывы к восстанию и проповедь диктатуры пролетариата встречаются реже, чем в 1905 и 1906 гг. Ввиду этого случаи закрытия газет административным порядком повторялись реже»².

¹ ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 21, д. 253, л. 5.

² Там же, д. 3, ч. II.

Однако, после непродолжительного затишья, в период которого также было не мало запретов социал-демократической печати, уже в 1910-х годах снова активизируется публицистическая деятельность коммунистов Закавказья, продолжавших под руководством ленинской партии свою героическую борьбу.

* * *

Необходимо отметить, что автор в своей работе подчас прибегает к подробному изложению общеизвестных фактов, пересказывает биографии деятелей армянской литературы, утверждает давно признанные характеристики творчества Абовяна, Налбандяна и других, что не может не вызвать досадного разбухания объема книги. Однако, несмотря на это, книга С. Арешян представляет собою интересное исследование по истории цензурных преследований армянской печати.

С. РИЗАЕВ